

Отец нахмурился и позвал:

— Цинян.

Матушка лениво подняла на него глаза, но лишь на мгновение — большую часть внимания она по-прежнему уделяла ногтям. Она всегда любила ухаживать за собой, и хотя уже родила троих детей, выглядела лет на двадцать семь — не больше. Сегодня макияж у нее был особенно ярким, а ногти сияли нежной влажностью, словно лепестки персика.

Под её взглядом отец опустил голову и, помолчав, вздохнул:

— Задержались мы здесь надолго. Пора в округ Ло, отправимся в ближайшие дни.

Я переглянулась с Ли Жуюем, и мы почтительно сложили руки:

— Слушаемся.

Только тогда матушка наконец отвлеклась от ногтей и, небрежно подняв голову, сказала:

— Что ж, поедем завтра.

Отец снова вздохнул:

— Как скажешь.

Обед вышел невыносимо тягостным. Отец несколько раз пытался заговорить с матушкой, но всякий раз получал колкий ответ. В конце концов он изобразил безмерную отеческую заботу и принялся беседовать с нами с Ли Жуюем — о науках, о пейзажах. Ни то, ни другое нас по-настоящему не интересовало, да и многое из того, что мы видели и слышали, было не для ушей отца-государя. Поддерживать разговор оказалось мучительно. Мы напрягли все силы, стараясь угодить, и едва предотвращали неловкое молчание. Отец, вероятно, понимал это, но не отпускал нас. Матушка же лишь холодно наблюдала. Когда он в десятый раз приказал передать нам свои блюда, она наконец смилостивилась:

— Завтра в путь. Распорядитесь, чтобы ваши вещи упаковали как следует — ничего не забыть и не помять.

Я тут же ответила:

— Есть.

Отец бросил на меня недовольный взгляд. Я поспешно поднялась, сложила руки и сказала:

— Матушка подарила мне много книг. Я не доверяю слугам — хочу сама проследить, чтобы их аккуратно уложили.

Говоря это, я переводила взгляд с отца на матушку. Та лишь усмехнулась, мельком взглянула на меня и обратилась к Ли Жуюю. Тот тоже поспешно встал:

— И у меня много бумаг нужно собрать. Эти люди неуклюжи — без моего присмотра не обойтись.

Отец с досадой махнул рукой:

— Идите. Если задержитесь, можете не приходиться на ночной поклон.

Мы чинно удалились. В главном зале ещё хранили важный вид, но едва выйдя наружу, Ли Жуй схватил меня за рукав, отвёл в сторону и прошептал:

— Что у матушки с отцом случилось?

Я покачала головой:

— Не знаю.

Ли Жуй огляделся и, таинственно понизив голос, придвинулся ко мне:

— Слышал, одна из цайжэнь усердно ухаживала за отцом во время его недомогания и получила похвалу. Не знаешь, кто?

Я воззрилась на него:

— Дела родителей — не наше дело. Уже поздно, ступай. А то завтра императорский поезд тронется, а ты ещё в постели.

— Это не любопытство, — пробормотал Ли Жуй. — Просто на пиру кто-то обмолвился, а я переспросил.

Он всё стоял на месте, явно желая что-то сказать.

Я поняла это и осталась ждать. Однако Ли Жуй долго мялся, а выпалил наконец:

— Ладно, я пошёл.

И стремительно зашагал прочь, быстро скрывшись из виду.

Меня осенило. Я инстинктивно оглядела окружающих, перехватила взгляд Вэй Хуань и подмигнула. Та сообразила и подошла. Мы сделали несколько шагов бок о бок, и она тихо спросила:

— Что такое?

Я помедлила:

— А-Хуань, ты в последнее время не слышала во дворце каких-нибудь слухов?

Раньше Сяолан и другие часто делились со мной новостями, но теперь все служанки новые. Я не хотела сблизиться с ними, да и они не решались со мной болтать. Так что, хоть и живу во дворце, отстаю от Ли Жуя в осведомлённости.

Вэй Хуань поняла меня и понизила голос:

— Я целыми днями с тобой. Со мной они о таком не говорят. Но знаю, что А-Юань попала в храм Пэнлай благодаря протекции госпожи А-Цин. А А-Дин, что остался в столице, — земляк господина Ян.

Я удивилась:

— А-Цин — та, что чай подаёт?

— Нет, — покачала головой Вэй Хуань. — Та, что невысокая, полная. Раньше заведовала ночной сменой служанок. Её Величество похвалили её за усердие и отправили поучиться во Внутреннюю школу. Теперь она ведаёт документами.

Я долго вспоминала, прежде чем смутно представила себе эту женщину, и рассмеялась:

— Ты и вправду всех знаешь. У матушки сотни прислужниц, а я и двадцати не насчитаю.

— Они от тебя не зависят, — сказала Вэй Хуань. — Зачем тебе их знать?

В её голосе послышалась обида. Я встрепенулась:

— Они тебя обижают? Скажи — я за тебя заступлюсь.

Вэй Хуань смерила меня взглядом:

— Разве я похожа на ту, кого легко обидеть?

Тогда я поняла: она просто заранее перестраховывается. Смущённо улыбнувшись, я сказала:

— Если всё-таки обидят — не упрямысь, сразу скажи мне. Я во всём разберусь.

Подумала, что звучит слишком резко, и добавила:

— Конечно, если это кто-то вроде Ян Цзыгао, которому и я сама «господином» должна кланяться, — тут уж ничего не поделаешь.

Вэй Хуань сжала губы:

— Мне во дворце хорошо. Никто не обижает. Не волнуйся.

За полгода общения я уже научилась немного разбираться в её выражениях. И сейчас, увидев такую сдержанность, насторожилась. Хотела было расспросить, но вспомнила, что она сама не стала говорить, и удержалась. Вместо этого взяла её за руку и улыбнулась:

— Пойдём, я тебе одно место покажу.

Вэй Хуань сначала запротестовала:

— Завтра же отправляемся. Ты только и думаешь, как бы погулять. А вещи собирать не надо?

Мне хотелось её развеселить, и я принялась уговаривать:

— Мы ведь с собой почти ничего не взяли. Пусть служанки как-нибудь упакут — зачем нам самим смотреть?

И, говоря это, настойчиво повела её в сторону. Вэй Хуань, не будучи от природы слишком усердной, позволила себя уговорить.

Я повела её вдоль извилистого ручья, пока мы не вышли к роще. В глубине стоял павильон, а в нём — горячий источник. Вода здесь была ничуть не хуже, чем в главном дворце, и когда-то сюда часто наведывались императорские особы. Но потом одна наложница здесь покончила с

собой. Матушка сочла место несчастливым, велела построить на его месте буддийский храм, но так и не построила. С тех пор оно и стояло заброшенным.

Мы нашли это место три года назад, во время императорского выезда. Ли Жуй, прослышав, что тут водятся привидения, но боясь гнева матушки, упросил меня уговорить Ли Шэна сходить с нами. Ли Шэн, чтобы нас порадовать, сделал вид, что идёт без свиты, — и мы втроём, тайком, отправились туда ночью. Ли Жуй и я дрожали от страха, а он был спокоен и невозмутимо показывал нам звёзды. Стояла ранняя весна. Звёзды ярко горели на небе, цветы благоухали в темноте. Я, держа за руки обоих братьев, глядела на Млечный Путь, густой от сияния, вдыхала густой, прохладный аромат — и чувствовала себя по-настоящему счастливой, словно семилетняя девочка. Я и думать забыла о привидениях в павильоне — тогда мне и вправду казалось, что под опекой родителей и братьев я смогу всю жизнь оставаться беззаботной принцессой.

Я остановилась и подняла глаза к небу. Звёзды, словно боясь холода, почти не показывались. Те же, что вышли, висели тускло и безжизненно. В ушах свистел северный ветер, в лёгких леденил дыхание. Единственным теплом была ладонь Вэй Хуань, сжатая в моей руке.

Я невольно повернулась к ней и увидела, что та тоже смотрит на меня, склонив голову набок. Редкие звёздные лучи падали в её глаза и превращались там в целую галактику. Её лицо было таким же тёплым и безмятежным, как та галактика — словно весенний ветер, колышущий ветви ивы, или летний лунный свет, заливающий внутренний двор. Она потрясла мою руку и улыбнулась:

— Место и вправду хорошее. Куда уютнее, чем там. Смотри, вон та звезда — разве не Полярная?

Я проследила за её взглядом, увидела мерцающую в ночи точку, мысленно прикинула и рассмеялась:

— Это восток.

Вэй Хуань задумчиво переспросила:

— Восток... Какая же это звезда?

<http://bllate.org/book/16278/1466130>